

ОТ ВОРОНЕЖА ДО НОВОРОССИЙСКА

В начале осени 1918 года армия генерала Краснова, словно чудовищный спрут, протянула щупальца с Дона в соседние губернии, в том числе и в Воронежскую. Чтобы остановить наступление контрреволюционных сил, целью которых было свержение Советской власти и восстановление буржуазно-помещичьих порядков, партия и правительство приняли экстренные меры. В частности, в Воронеже, вместо ранее существовавшей Южной завесы начала формироваться 8-я армия. Одним из ее первых соединений была 12-я дивизия, которую частенько называли Воронежской. Впоследствии — это было уже в 1920 году — дивизия, переброшенная на укомплектование в Петроград, получила имя Петроградского Совета.

Губернская партийная организация, опираясь на местные Советы и военкоматы, принимала самое деятельное участие в организации новых частей регулярной армии. Более половины коммунистов-воронежцев встало в ряды вооруженных защитников завоеваний революции. Многие из них вошли в когорту славных политработников 8-й армии. Исключительный патриотизм проявляли воронежцы и на последующих этапах борьбы с белогвардейщиной. Так, например, во второй половине 1919 года на фронт ушло более девяноста процентов всей губернской партийной организации.

Но, разумеется, местных ресурсов для создания такой мощной военной организации, какой является армейское объединение, было недостаточно. Очень большую помощь оказал Центр. Из Москвы поступали оружие, боеприпасы, техника, снаряжение и обмундирование. Оттуда же прибыли я и большинство командиров и бойцов, составивших ядро группы А. И. Ратайского, который некоторое время был начальником 12-й дивизии и командармом 8.

3-я бригада 12-й стрелковой дивизии, которой я командовал почти до конца кампании против Деникина, в значительной мере была укомплектована также москвичами. Так, например, в нее вошел 1-й Московский советский полк, командиром которого был Афоничев, бывший вагоновожатый трамвая, старый большевик, унтер-офицер старой армии. Командиром другого полка — бывшего Литовского гвардейского — был Линкус, прапорщик старой армии, литовец по национальности.

Военным комиссаром бригады был назначен двадцатилетний воронежец Андрей Антонович Прицепчик, член партии с весны 1917 года. Проведя с ним бок о бок в боях и походах более года, я хорошо узнал его. Это был хорошо подготовленный в военном и политическом отношении человек, заботливый начальник, чуткий товарищ. Его внешность запомнилась мне при первом же знакомстве: высокого роста, подтянутый, темно-русый, с большими карими строгими и вместе с тем добрыми глазами.

В бои с противником наша дивизия вступила еще в процессе формирования. В конце ноября 1918 года красношцы, захватив южные уезды Воронежской губернии, овладели станцией Лиски. Создалась непосредственная угроза Воронежу, до которого оставалось девяносто километров. В эти дни мы держали оборону вдоль железнодорожной линии Лиски — Бобров — Таловая. Отбивая ожесточенные атаки врага, красноармейцы и командиры не щадили ни крови, ни самой жизни. При этом, естественно, дивизия несла потери. Воронежцы поддерживали нас всем, чем могли. Помню, в самый критический момент они прислали нам пополнение — отряд рабочих во главе с членами губернского комитета РКП(б) Н. П. Павлуновским и Б. Н. Губановым. К сожалению, вскоре оба они погибли в жестокой схватке с белогвардейцами у станции Таловая.

А. А. Прицепчик, работавший ранее с Никитой Петровичем Павлуновским, председателем Воронежской губернской чрезвычайной комиссии, рассказывал мне впоследствии об этом прекрасном товарище, самоотверженно выполнявшем самые сложные поручения партии. От Андрея Антоновича я узнал и о старшем брате Павлуновского — Иване. В декабре 1917 года, выполняя задание партии, он во главе отряда московских рабочих-красногвардейцев и балтийских и черноморских моряков с помощью

солдат Польского запасного полка задержал и рассеял в районе Белгорода крупные силы белогвардейцев. Эшелоны этих самых реакционных элементов из ударных батальонов Керенского двигались на помощь Каледину. Их появление на Дону могло бы значительно осложнить борьбу с калединскими мятежниками.

Но вернемся к событиям осени 1918 года. Белоказакам, сосредоточившим большие силы, удалось перерезать рокадную линию Валуйки — Поворино, захватив ценою огромных потерь Лиски и Новохоперск. В наших войсках убыль тоже была велика, но бойцы понимали, что в это нелегкое время решался вопрос о жизни и смерти Советского государства, поэтому они сражались с героической самоотверженностью.

Весь ноябрь по всему фронту 8-й армии шли тяжелые бои с переменным успехом. В рядах 12-й дивизии на участке Коротояк, Лиски сражался член Революционного военного совета нашей армии Иона Эммануилович Якир. Показывая образец личной храбрости, он воодушевлял бойцов, командиров и политработников на подвиги во имя великого дела защиты завоеваний Октября. Его горячие призывы к стойкости в борьбе с белогвардейцами мы нередко читали на страницах газеты «Звезда красноармейца», выпускаемой политотделом 8-й армии. Командование нашей дивизии ходатайствовало о награждении И. Э. Якира только что учрежденным орденом Красного Знамени. И он — вторым в нашей стране (после В. К. Блюхера) — получил эту высокую награду.

К концу месяца нам удалось создать угрозу левому флангу красновцев. Этому способствовала революция в Германии, начавшаяся в первой половине ноября. Вести о ней дошли до немецких оккупационных войск на Украине. Там стали возникать Советы солдатских депутатов, которые под воздействием рабочих и крестьян, одетых в шинели, стали требовать возвращения на родину. Начался отход немецких войск в глубь Украины, и левый фланг Донской армии Краснова стал оголяться. Используя благоприятно создавшуюся обстановку, части 8-й армии двинулись в обход белогвардейцев с запада.

В сравнительно короткий срок мы выбили врага из Валуйского, Острогожского и Коротоякского уездов, отняли у него и важный железнодорожный узел — станцию Лиски. Вскоре, однако, красновцы подтянули из резерва

свой гундоровский полк и нанесли контрудар по нашим частям, оборонявшим Лиски. В это время я находился на соседнем боевом участке, и подробности о налете гундоровцев мне рассказал комиссар бригады А. А. Прищепчик.

— Вместе с начальником штаба, — говорил он, — я пытался остановить отходившие под сильным натиском противника роты. Оказавшись за пределами Лисок, мы решили вернуться, будучи в полной уверенности, что там еще обороняется один из наших батальонов. Войдя в поселок, увидел движущиеся повозки. Я окликнул повозочных: «Какого полка, товарищи?» Ответа не последовало, но мы заметили какое-то подозрительное движение на повозках. Тогда, уже строже, крикнул начальник штаба: «Какого полка?» Кто-то нехотя проговорил: «Гундоровского». И в этот момент мы увидели, что на повозках берутся за винтовки.

— Как же вам удалось уйти? — спросил я Андрея Антоновича.

— Начальник штаба, — продолжал комиссар, — метнулся в открытую калитку какого-то палисадника и через сады и огороды скрылся от преследователей. Я побежал к Дону, надеялся перебраться по льду на другой берег.

— Белые стреляли?

— Нет. Я слышал крики: «Лови большевика живым!» Когда оказался на льду, красновцы прекратили преследование: все равно, мол, утонет. Лед прогибался подо мной, но все же не проваливался. И тогда белоказаки начали стрелять. Пробежав метров сто — сто пятьдесят, я упал. Преследователи, вероятно, подумали, что со мной все покончено, возвратились в поселок. А я, добравшись до противоположного берега, направился к своим, в Коротояк.

Такие неожиданные столкновения лицом к лицу с противником не были единичными. Ведь фронт был всюду прерывистым и очень неустойчивым. Да тогда и не было сплошной линии фронта, как в годы первой мировой или Отечественной войн. Маневренность — характерная черта гражданской войны на всех ее этапах.

...Спустя несколько дней мы снова выбили белых из Лисок и в начале декабря перешли в наступление, тесня красновцев на юг. Противник нередко кидался в отчаянные контратаки, но боевой порыв наших войск был настолько велик, что сдержать его было невозможно.

В перерывах между боями комиссар беседовал с красноармейцами, рассказывал им о наиболее отличившихся воинах, читал газеты, сообщавшие о положении дел на фронтах, интересовался нуждами и запросами людей, заботился о раненых, принимал меры, чтобы улучшить санитарную службу и ослабить эпидемию тифа, свирепствовавшую в бригаде.

Андрей Антонович был приятным, интересным собеседником. Это объяснялось его большой начитанностью, удивительным в его возрасте знанием русской, а также и иностранной классической литературы. Русская классика, видимо, сыграла большую роль в формировании всего морального облика комиссара как человека, гражданина, бойца.

Он очень любил народные песни, особенно украинские, привлекавшие его своей задушевностью и музыкальностью. Андрей Антонович пел их с красноармейцами, записывал в свою тетрадь.

Измотанный походами, круглосуточной работой, он в редкие часы отдыха любил помечтать о будущем.

— Вот закончим войну, Сергей Николаевич, и начнем борьбу с разрухой, — говорил он. — Если нам не помешают империалисты, хозяйство восстановим быстро. Народ у нас трудолюбивый, дружный. А главное — понимает, что земля и все, что есть на ней, свое, кровное. И правительство свое, родное. Нет тебе эксплуататоров, ни ховяев — народ себе голова. Подумаешь о будущем России — дух захватывает! Вы читали Ленина? Он видит новую Россию могучим государством, идущим во главе мирового прогресса. И мы обязательно доживем до этого времени! Кстати, толкуем о будущем, — заметил Андрей Антонович, — а друг о друге мало что знаем. Расскажите о себе, Сергей Николаевич.

Беседа приняла личный характер. Я сказал, что родился в Ярославской губернии. Подготовку проходил в казанском военном училище, которое окончил вторым по успеваемости. Имея право выбора места службы, я мог пойти офицером в запасный полк в Саратов. Но в это время пришла заявка на офицеров в действующую армию, и я изъявил готовность ехать на фронт на доукомплектование разбитого в Восточной Пруссии 13-го корпуса. Это был октябрь 1914 года.

— Значит, я попал на войну раньше вас?.. — удивленно сказал комиссар.

— Как же это случилось? Ведь вы на несколько лет моложе меня? — спросил я.

— Это длинная история, — вздохнул Андрей Антонович. — Давайте лучше отдохнем, командир.

Но я все-таки упрямился и поведать мне свою историю: откровенность за откровенность. И Прищепчик рассказал мне, что еще в отроческом возрасте, когда шла Балканская война, он с большой симпатией относился к народам славянских государств, которые боролись против иностранного порабощения, за свою свободу и независимость. А в 1914 году шестнадцатилетний юноша добровольцем пошел на фронт, чтобы помочь славянам в их борьбе с австро-германскими угнетателями.

— Жили мы тогда в Минске, где я и родился. В первые дни войны, — рассказывал он, — отсюда уходил на фронт 120-й Серпуховский полк. В начале августа четырнадцатого года мы с боями вошли в пределы Восточной Пруссии. Здесь, под Гольдапом, меня ранило в ногу...

— Под Гольдапом? — переспросил я. — Так ведь и мне пришлось воевать по соседству с этими местами, но несколько позже — зимой 1914/15 года. Я был офицером 1-го Невского полка 1-й стрелковой дивизии, сражался вместе со своей пулеметной командой южнее Гольдапа в августовских лесах, что на границе Восточной Пруссии и Литвы.

Вспоминая фронтовые эпизоды, мы проговорили до глубокой ночи.

— Всего сразу не расскажешь, — заметил комиссар. — Давайте отдохнем перед завтрашним боем.

Потеря такого союзника, как немецкая армия, была для Краснова весьма ощутительна. К тому же началось брожение среди донских казаков, которые группами, иногда целыми полками сдавались в плен. А к нам, в 8-ю армию, стало прибывать подкрепление. С Восточного фронта была переброшена 15-я Инзенская дивизия, а также отдельная группа И. С. Кожевникова, сразу же начавшая, несмотря на бураны и морозы, активные действия на правом фланге Южного фронта. В ней преобладали закаленные в боях партизаны-уральцы. Впоследствии группа

была реорганизована в 13-ю армию, с частями которой в дальнейшем нередко взаимодействовала наша 3-я бригада.

Заметную роль в активизации наших действий сыграло назначение в конце января 1919 года нового командарма — М. Н. Тухачевского. Ведя наступление, 12-я дивизия захватила на станции Калач тысячи пудов муки, круп, сахара и мясных продуктов. Это были неценные трофеи. Командование решило послать продовольствие детям голодающей Москвы.

В состав делегации, сопровождающей эшелон, вошел я, а от политработников — москвич Животов. Добирались до столицы долго. Узнав о бесценном фронтовом подарке, товарищи из Моссовета были несказанно обрадованы.

— Вы спасаете от голода тысячи московских ребят, — сказали они. — Передайте бойцам сердечную благодарность.

Возвратившись на фронт, я нашел свою дивизию уже в глубине области войска Донского, в районе Миллерово, далеко на юго-запад от тех мест, где покинул ее, уезжая в Москву.

Начдив А. И. Ратайский и комиссар И. В. Косиор¹ познакомили меня с боевой обстановкой, сообщили, что предстоит серьезное сражение с очень сильным противником — Добровольческой армией Деникина. Первая дивизия этой армии под командой генерала Май-Маевского в конце января 1919 года высадилась в Таганроге и ворвалась в Донбасс. Ее части были укомплектованы добровольцами-офицерами старой армии, которые несли службу в качестве рядовых солдат.

В бригаде комиссар А. А. Прищепчик встретил меня расспросами о Москве. Слушая мой рассказ, он заметил:

— Я был там весной, вскоре после переезда правительства из Петрограда. Москва произвела на меня неотразимое впечатление. Тогда же подумалось, что при любом соотношении сил на фронте к столице нельзя допускать врага: Москва — сердце страны.

Сообщив друг другу новости, мы продолжили нашу

¹ Иосиф Викентьевич Косиор был большевиком с дореволюционным стажем, выходцем из рабочих-кожевников. С середины 1919 года И. В. Косиор стал членом Реввоенсовета 8-й армии. После гражданской войны он был членом Коллегии Высшего Совета Народного Хозяйства СССР.

беседу в личном плане. Андрей Антоновича интересовало, как я, кадровый офицер, пришел в Красную Армию. И я рассказал, что происходил из очень бедной семьи. С двенадцатилетнего возраста остался сиротой. В 1906 году отца выбросили с работы за то, что он разделял идеи революционно настроенных рабочих. Начались годы учебы, полные лишения и нужды. Потом армия. Служил, затем воевал отнюдь не из-за ура-патриотических побуждений. В 1917 году меня, командира батальона в чине капитана, выдвинули в дивизионный солдатский комитет, а в дни Октябрьской революции избрали председателем комитета и заместителем командира полка.

— Теперь понятно, Сергей Николаевич. Вам открывался прямой путь в Красную Армию: сама солдатская масса облекла вас высоким доверием, — сказал комиссар и улыбнулся, довольный тем, что дружба с «низами» у меня давняя, крепкая.

В свою очередь я спросил комиссара, откуда у него в его годы такие солидные познания в военном деле, такое правильное понимание солдатской психологии.

— Солдата старой армии я знал не только по первым месяцам мировой войны. После ранения меня освободили от военной службы, и осенью пятнадцатого года из Минска я вместе с семьей эвакуировался в Воронеж. Там сблизился с революционной молодежью подпольного кружка, стал читать марксистскую литературу, и к Февральской революции стоял на большевистских позициях. В дни февраля меня приняли в партию. И вот по партийному поручению начал вести агитационную и пропагандистскую работу среди солдат 5-го пулеметного, 58-го и 59-го стрелковых запасных полков, а также среди крестьян близких к Воронежу сел.

Увлечшись, Андрей Антонович говорил о том, как много дала ему эта работа в массах.

— Затем я вступил в Красную гвардию, — продолжал он, — и вскоре после победы Октября меня послали на Дон для разведки в стане генерала Каледина. Вернувшись в Воронеж, я узнал о прибытии сюда отряда рязанских красногвардейцев во главе с Григорием Петровым. Объединившись с ними, мы, воронежские красногвардейцы, под общим командованием Петрова и комиссара Николая Шалаева отправились воевать против Каледина.

В боях под Глубокой и в других местах разбили неприятеля и вместе с отрядами Ю. Саблина и Р. Сиверса освободили Ростов, затем помогли установлению Советской власти на Дону.

— А в феврале восемнадцатого года, — снова после короткой паузы начал он, — когда немцы вторглись на Украину, я с Петровым отправился сражаться с оккупантами. Петрова назначили командующим революционной армией. Мне довелось возглавлять и разведку и штаб и, конечно, драться с винтовкой в руках. На Украине было создано еще, кажется, четыре таких красногвардейских армии. По численности они были очень невелики. В нашей, например, насчитывалось около четырех тысяч бойцов. Но дело не в количестве бойцов, а в силе их идейной убежденности, в сплоченности.

— У вас, я слышал, были интернационалисты?

— Да. Чехи, словаки, сербы, поляки, венгры, представители других народов. Это — опытные, сознательные, самоотверженные бойцы. И мы стойко бились с полчищами фельдмаршала Эйхгорна у станций Ромодан и Абазовка (под Полтавой). Нас крепко поддерживал бронепоезд. Им командовала Люда Мокиевская. Было ей немногим более двадцати лет, в экипаже многие годились бы ей в отцы, но подчинялись ее приказам беспрекословно. Храбро сражалась в наших рядах еще более юная Зина Чалая, член партии с 1917 года.

Комиссар вспомнил о последнем бое с немцами у станции Люботин, под Харьковом, где германские войска пытались окружить отряды Петрова. Петров был ранен в голову, и только благодаря бронепоезду Мокиевской его удалось вывезти, а красногвардейцы вырвались из окружения.

— В конце апреля, — говорил А. А. Прищепчик, — мы отошли в пределы Воронежской губернии. А вскоре, Сергей Николаевич, мне пришлось расстаться с боевыми друзьями. И с некоторыми навсегда, — добавил он с грустью. — В июне Григорий Константинович Петров был проездом в Воронеже. Он возвращался из Москвы, где Ленин поручил ему организовать оборону Баку. Вместе с ним приехала Люда Мокиевская. Ни она, ни я не смогли ехать с Петровым. Меня воронежская парт-организация сначала направила на работу в губчека, а в сентябре — на политработу в 12-ю дивизию. Вскоре я

узнал о гибели Г. К. Петрова в числе двадцати шести бакинских комиссаров...

Взволнованный воспоминаниями, Андрей Антонович не мог больше говорить и попросил меня закончить рассказ о себе. Я кратко сообщил, что, прослужил в старой армии до весны 1918 года. Демобилизовался 28 марта, а в апреле уже подал заявление о добровольном вступлении в Красную Армию. Меня рекомендовал один из старых большевиков тов. Логофет, давно знавший меня, и с 29 апреля началась моя служба в 1-м Московском советском полку Рогожско-Симоновского района.

— А как вы относитесь к нашей партии? — спросил Прищепчик.

— Большевики, на мой взгляд, — единственная партия, отражающая истинные интересы народа.

— Что же вам мешает стать членом партии? — спросил комиссар.

— Готовлю себя к этому, Андрей Антонович.

— Правильное решение, — одобрил Прищепчик. — Очень правильное. Я, например, не представляю себе жизни и борьбы вне партии. Все самое передовое, светлое, жизнедеятельное сосредоточено в ней — партии Ленина.

Эти задушевные, откровенные беседы с комиссаром запомнились мне очень хорошо. Они заложили прочную основу взаимного доверия, переросшего в крепкую дружбу, которая связывала нас в течение целого года совместной деятельности, года, заполненного почти непрерывными боями.

Дивизия Май-Маевского вскоре вошла в соприкосновение с нашими частями на правом фланге фронта — в районе Попасная, Луганск. Предполагалось, что деникинцы — лишь авангард, что за ними движутся главные силы — войска Антанты. Были серьезные опасения, что англо-французский флот, войдя после капитуляции Турции в Черное море, высадит на помощь белогвардейцам сухопутные войска Антанты. Об этом говорил мне начальник Ратайский при встрече.

К счастью, этого не случилось. Войска Антанты высадились только в районе Одессы, да и оттуда, как известно, они быстро убрались. Притягательная сила идей Октября была так велика, что она отняла у Антанты ее солдат.

Но и сами по себе деникинцы оказались очень сильным и опасным врагом. Подтверждением тому являлись события на Северном Кавказе и здесь, в районе сосредоточения 13-й и 8-й армий. Правда, бои на нашем участке фронта в течение всего февраля проходили с переменным успехом, но это не означало слабости противника.

Лишь в начале марта 1919 года по врагу был нанесен сильный удар в нижнем течении реки Северный Донец. Однако обозначившийся успех не удалось развить. Причин тому было немало: эпидемия тифа, повально косившая бойцов, разрозненность наших усилий, начало весенней распутицы. Рекомендации М. Н. Тухачевского о методах и средствах, облегчающих форсирование водных рубежей, остались не использованными за недостатком времени. Белогвардейцы же умело использовали естественные препятствия. Помимо того они имели превосходство в коннице, быстро перебрасывали ее на угрожаемые участки.

К тому времени вместо Тухачевского, откомандированного на Восточный фронт, командармом на короткое время стал И. Э. Якир¹. Затем Иону Эммануиловича сменил Т. С. Хвесин.

Для проведения разведывательной операции 3-й бригаде был придан кавалерийский дивизион из армейского резерва. Командиром его был Д. А. Кучинский. Мне понравился этот молодой, высокий и стройный комдив. Он быстро и легко спрыгнул с коня и подошел к комиссару. Оказывается, они давно знали друг друга, были земляками, вместе учились в Минской гимназии, пока их не разлучила первая мировая война. Наскоро обменявшись с комиссаром несколькими фразами, Кучинский сообщил ему, что недавно вступил в партию.

Много лет спустя в беседе с младшим братом Прищепчика, Павлом Антоновичем, я узнал, что это была последняя встреча друзей.

С Дмитрием Александровичем Кучинским я очень близко познакомился, когда мы были слушателями Академии Генштаба, впоследствии переименованной в Академию имени М. В. Фрунзе. Это было уже по окончании гражданской войны. Кучинский был одним курсом старше

¹ И. Э. Якир с осени 1918 и до середины 1919 года был членом Реввоенсовета 8-й армии.

меня. Уже тогда проявились его незаурядные способности в военном деле. Вновь встретиться с Д. А. Кучинским мне пришлось, когда его назначили первым начальником и комиссаром вновь созданной в 1936 году Академии Генштаба. Это был не случайный выбор, Дмитрий Александрович заслуженно считался одним из выдающихся штабных работников.

...Дивизион Кучинского блестяще выполнил возложенное на него боевое задание и убыл в свое соединение. Мы очень сожалели, что в составе бригады не было своей кавалерийской части, которая могла бы быстро решать многие задачи. (Кстати говоря, во всей нашей 12-й дивизии, насчитывавшей тогда около десяти тысяч штыков, имелось всего лишь двести сабель.)

В конце апреля наша бригада была выдвинута далеко на юг, в район станции Штеровка (40 км юго-западнее Луганска), глубоко вдаваясь в расположение войск противника. В условиях разбросанности и разобщенности наших частей, ненадежной связи с соседями создавалась весьма реальная угроза обхода и даже окружения бригады деникинцами.

Комиссар, всегда принимавший активное участие в решении оперативных задач, выехал верхом с одним лишь ординарцем в штаб дивизии, находившийся километрах в двадцати пяти от нас, для беседы с военкомдивом И. В. Косиором.

Вернувшись, комиссар сообщил, что Косиор обещал немедленно принять меры обеспечения флангов и тыла 3-й бригады, а Иосиф Викентьевич Косиор был человеком, на чье слово, как мы не раз убеждались, можно было смело положиться. Затем Андрей Антонович добавил, что будь с ним в этой поездке еще пять-шесть конников, они, наверное, захватили бы «языка».

Оказывается, в пути комиссар дважды встретился с мелкими разъездами белых. «И пришлось ограничиться обменом «приветствиями», — с досадой сказал он, — послали друг в друга несколько пуль».

1 мая в штаб бригады приехала на мотоцикле с коляской начальник политотдела 8-й армии Р. С. Землячка. Мы проводили торжественный митинг, и Землячка выступила перед бойцами и командирами с краткой, но

взволнованной, горячей речью. Она призвала участников митинга к самоотверженной борьбе за окончательный разгром контрреволюционных сил Юга России.

После выступления она сразу же уехала в соседнее соединение. Еще не закончился митинг, как мы услышали ружейно-пулеметную стрельбу. Оказалось, что кавалерия противника, скрытно продвинувшись мелкими группами по балкам, вплотную подошла к станции Штеровка. Вряд ли это случилось бы, если бы мы возможность регулярно высылать конные разъезды.

Под напором превосходящих сил корпуса Шкуро нам пришлось отойти в направлении на север от Луганска.

В середине мая, получив подкрепление, мы во взаимодействии с частями 13-й армии, дравшейся в Донбассе, снова овладели Луганском. Сражалась там и 2-я Украинская армия. На отдаленном фланге нашего фронта действовали партизаны Махно, захватившие станцию Кутейниково в глубоком тылу белых, несколько севернее Таганрога. Этим они отвлекли на себя часть деникинских сил.

Как известно, весной 1919 года, после освобождения Украины от немецко-гайдамацких властей, Махно некоторое время помогал нам в борьбе с белыми и официально именовался сначала командиром 3-й бригады¹ 1-й Заднепровской дивизии, а потом даже и начальником дивизии. Но эта дивизия, проникнутая духом анархизма и мелкобуржуазного украинского национализма, была очень ненадежным и беспокойным союзником. В конце концов в ней окончательно возобладала анархо-кулацкая идеология, кратко выражаемая в махновском лозунге: «Бей белых, пока не покраснеют, бей красных, пока не почернеют». В начале лета дивизия, переименованная самим Махно в 1-ю повстанческую, потерпела поражение в боях с корпусом Шкуро и самовольно ушла с фронта в махновскую резиденцию — село Гуляй-Поле, оголив фланг 13-й армии. Этим не замедлили воспользоваться белые, усилившие нажим на наш необеспеченный стратегический фланг.

Когда мы отбили у врага Луганск, комиссар узнал о гибели Людмилы Мокиевской. Ее бронепоезд сражался

¹ Бригада эта насчитывала до десяти тысяч пехоты и сабель.

в Донбассе, по соседству с нами. Прикрывая южнее Дебальцева отход частей 13-й армии, он попал под перекрестный огонь замаскированных недалеко от железной дороги деникинских батарей. Андрей Антонович был очень опечален этим известием.

...В начале мая обстановка была очень тревожной. Восстание, охватившее на Дону район станций Вешенской и Казанской, со дня на день разрасталось. В свое время (конец 1918 года) казачество этих станций отойшло от Краснова и стало на сторону Советской власти. Полки, укомплектованные казаками этого района, были распущены по домам неразоруженными. Однако ошибки, допущенные представителями местных властей, и вражеская пропаганда привели к тому, что весной казаки снова выступили против нас. На подавление восстания были посланы две экспедиционные сводные дивизии (Антоновича из 8-й армии и Волынского из 9-й). Это в известной мере ослабило наши силы на фронте. Положение усугубилось изменническими действиями командарма 9 Всеволодова, который подставил свои войска под удар противника, а в конце июня и сам переметнулся в стан врага.

Таким образом, оба соседа 8-й армии (справа — 13-я, слева — 9-я) все больше слабели, теряли боеспособность. И быть может, не столько от ударов белых, сколько от предательства Всеволодова и Махно. Я уже не говорю о сыпном тифе, от которого мы несли гораздо больший урон, чем от боевых действий.

В конце мая конница белых рассекла фронт 9-й армии и прорвалась на соединение с восставшими казаками. Разрозненные дивизии этой армии прорвались из окружения очень ослабленными. 13-я армия также оказалась в полуокружении. Охваченная с флангов силами противника, она была вынуждена отходить на север.

Основная тяжесть борьбы легла на плечи нашей армии, и — в который уже раз — ей пришлось отказаться от плодов своих побед. Луганск, вокруг которого в течение ряда недель шла упорная борьба, снова, и теперь надолго, стал добычей белых. Наш отход на север продолжался, и через месяц в руках деникинцев оказался и Харьков.

Горечь поражений, казалось бы, могла надломить бойцов и командиров. Но в том-то и сила нашей партии, что

она даже в самые критические моменты не теряет уверенности в победе святого дела, за которое борется народ и его армия. Комиссары, коммунисты, весь наиболее стойкий актив неустанно вели разъяснительную работу в подразделениях и частях, укрепляли воинскую дисциплину и порядок, личным примером воодушевляли бойцов на преодоление трудностей. И эта титаническая работа увенчалась успехом. Уже спустя две-три недели наши войска стали наносить противнику чувствительные удары. Особенно серьезное поражение потерпели деникинцы под Острогожском.

Размышляя теперь о причинах такой высокой боеспособности армии, я вспоминаю также постоянную поддержку глубокого тыла, откуда непрерывным потоком шло пополнение. Здесь были и добровольцы, и товарищи, мобилизованные партийными и профсоюзными организациями. Некоторые партийные организации, как например Воронежская, целиком вступали в ряды действующей армии. Неоценимое влияние на поворот событий оказали решения VIII съезда РКП(б), подготовленные и предложенные В. И. Лениным. Заметно ощущалось улучшение настроений в крестьянской массе, которая начала испытывать благотворное влияние решений партии об укреплении союза с середняком. Надо сказать, что в рядах армии подавляющее большинство было крестьян, и наши комиссары—Прищепчик, Агафонов и другие—своевременно доносили до них мудрое, животворное слово партии.

Помню, в июле комиссар бригады рассказал мне об обращении ЦК РКП(б) «Все на борьбу с Деникиным!», содержание которого он узнал из письма своей сестры, работавшей секретарем Воронежского губкома партии. Это обращение вдохновило нас. Особенно запечатлелось мне положение этого ленинского документа об отношении к военным специалистам. Здесь, как и в других пунктах обращения, содержались прямые и ясные ответы на вопросы, глубоко волновавшие нас. Примерно в это время во мне окончательно созрело решение вступить в партию, и вскоре я был принят в ряды сочувствующих (так тогда называли кандидатов в члены партии).

Даже в самые тяжкие моменты неудач не помню в нашей бригаде случаев морального упадка, паники. Во время нашего отступления из Донбасса авиация противника с целью внесения дезорганизации в наши части

М. С. Кузнецов

Я. Т. Черевиченко

С. М. Буденный среди командиров 1-й Конной армии

Военный совет 8-й армии

разбрасывала провокационные листовки, поддельные номера «Правды», где печатались лживые сообщения о наших поражениях и даже сфабрикованная речь В. И. Ленина о гибели Советской власти. Подлитработники бригады не торопились изъять эти фальшивки, попавшие в руки красноармейцев. Они шути говорили бойцам, что Деникин знает о нехватке бумаги у нас и посылает ее, чтобы мы могли и самокрутку свернуть, да и для других неотложных нужд использовать бумагу.

...В период короткого затишья обе стороны готовились к активным действиям. Деникин издал свою директиву о походе на Москву, а советское командование намечало фланговый удар в направлении Харькова. Была создана группа В. И. Селпвачева в составе 13-й и 8-й армий, которая должна была в середине августа 1919 года перейти от активной обороны к наступлению. Противник сумел немного упредить нас. 10 августа конный корпус генерала Мамонтова прорвался на стыке нашей и 9-й армии в районе Новохоперска и через неделю достиг Тамбова. Однако мамонтовский прорыв не помешал нам начать наступление в направлении Харькова.

В августе в командование 12-й дивизией вступил Андрей Григорьевич Рева, ранее возглавлявший бригаду в Инзенской дивизии. Это был храбрый командир, не раз выходявший победителем из сложных ситуаций. Быстро ознакомившись с новой обстановкой, он повел полки в наступление.

Вскоре вместе с 4-й бригадой мы сломали сопротивление противника и вошли в Волчанск. Это был тихий городок, утопавший в садах. Наши разведчики, несколько продвинувшись на запад, вышли на шоссе Харьков — Белгород и вернулись не только с разведывательными данными, но и с трофеями. Трофеи оказались необычными — экипаж и генеральская шинель Май-Маевского, под командованием, которого уже начинали свой «поход на Москву» отборные деникинские дивизии — корниловская, марковская, дроздовская.

Таким образом, наши войска стали угрожать главной коммуникации белогвардейцев. Командование противной стороны, почувствовав опасность, сосредоточило против нашего фронта и северного фланга конный корпус Шкуро. Завязались бои, в ходе которых мы отступили к Новому Осколу и далее на восток. Это был необычный от-

ход, так как отходили мы с задачей нанести удар по отходившему нас врагу. К сожалению, он превосходил нас по маневренности. Шкуро быстро продвигался к Воронежу с запада, а Мамонтов шел туда же с северо-востока, по нашим тылам.

Потерпев здесь неудачу и попытавшись прорваться южнее через линию нашего фронта, Мамонтов в районе станций Давыдовка и Лиски 9 сентября наткнулся на один из полков 40-й Богучарской дивизии. Не выдержав боя, мамонтовцы отошли. Лишь несколько дней спустя им удалось соединиться с корпусом Шкуро в районе села Осадчино.

К 30 сентября части Шкуро подошли к Воронежу, который Мамонтов пытался захватить три недели назад. Жиденький заслон частей из ослабленных боями 1-й и 3-й бригад нашей дивизии прикрывал город с запада. Мы получили некоторую поддержку от Воронежской партийной организации. Она мобилизовала коммунистов, еще не ушедших в армию. Их оказалось всего около ста человек, но они составили ядро отряда, оказавшего нам помощь в борьбе со шкуровцами. Однако остановить Шкуро мы не смогли. Мамонтовцы же, действовавшие южнее корпуса Шкуро, в направлении узловых станций Лиски и Таловая, уходя от конного корпуса Буденного, прорвались к Воронежу и вновь соединились со шкуровцами.

8-я армия, одному флангу которой угрожала объединенная конница Шкуро и Мамонтова, другому — 3-й Донской корпус, переживала очень тяжелые дни. Она была обессилена в боях, не имела патронов, потеряла на несколько дней связь со штабом фронта и соседями. Правда, внутри армии она все же действовала. В нашей бригаде начальник связи Андрей Матвеевич Стрелков¹, досконально изучивший свое дело еще на фронте первой мировой войны (он был офицером старой армии), умел налаживать связь в любых обстоятельствах, хотя материальная часть была изношена и, ввиду разбросанности частей, не хватало кабеля.

Но вот подошла конница Буденного. В его корпус была передана кавалерия 8-й армии. Начался период на-

¹ А. М. Стрелков по окончании гражданской войны продолжал служить в Красной Армии, участвовал в Великой Отечественной войне, в должности начальника связи фронта. В 1943 году ему присвоено звание генерал-лейтенанта. Теперь — в отставке.

ших совместных действий с Первым конным корпусом. 19 октября буденновцы одержали победу в бою с конницей белых в районе Воронежа. 24 октября 8-я армия совместно с Первым конным корпусом освободила Воронеж. Большую помощь в освобождении города оказали его рабочие: в ночь перед боем они подняли восстание и перерезали путь отхода вражеским бронепоездам. 3-я бригада наступала с восточного берега реки Воронеж на село Шилово, затем на Воронеж. Части 8-й армии имели успех и на своем левом фланге, освободив Лиски.

Мы узнали, что одновременно белые потерпели поражение и под Орлом.

После освобождения Воронежа из бригады ушел военный комиссар А. А. Прищепчик. Вопрос об откомандировании его на учебу в Академию Генштаба был решен еще раньше, однако он откладывал свой отъезд до улучшения обстановки на фронте. С чувством искреннего сожаления расставался я с этим замечательным человеком, воином, полнотрабантиком. Встретиться с ним вновь уже не довелось¹. Но я нередко вспоминал о комиссаре, о таившемся в нем богатстве умственных и душевных сил, его умении слиться с массой, скромности, нежелании пользоваться никакими привилегиями.

Наступил окончательный перелом в долгой и трудной борьбе с Деникиным. Преодолевая упорное сопротивление противника, войска 8-й армии форсировали на различных участках Дон и овладели городом Острогожск. В числе наступавших была и наша дивизия, занявшая город Бирюч (ныне Буденновск). 40-я дивизия освободила Павловск.

¹ Много позже я узнал, что, заболев возвратным тифом, в академию Андрей Антонович не поступил. Еще не долечившись, уехал из Москвы на Южный фронт, но уже в другую дивизию. Ослабленный болезнью, он вскоре заболел сыпняком. Передвигаясь со своей дивизией до станции Уманской, он сильно поморозил ноги. Затем его снова свалил возвратный тиф. Едва выздоровев, Прищепчик уехал на Польский фронт, где был назначен на полнотрабantu в 3-ю армию. По окончании войны в декабре 1920 года Андрей Антонович был направлен в Коммунистический университет имени Свердлова. А когда начался кронштадтский мятеж, добровольно ушел на его подавление. Погиб 17 марта 1921 года, идя на штурм в первых рядах красноармейцев 11-й Петроградской дивизии.

Мамонтов, приведя в порядок корпус, изрядно потрепанный под Воронежем, бросил его против 12-й дивизии, находившейся на стыке с 9-й дивизией 13-й армии. Несколько потеснив нас к востоку, в воронежском направлении, белогвардейцы одновременно нанесли удар и по частям Первой Конной армии. В ответ мамонтовцы получили контрудар такой силы, что обратились в беспорядочное бегство на юго-запад, в сторону Валук.

В стратегических целях советское командование создало ударную группу во главе с С. М. Буденным. В нее вошли, кроме Первой Конной армии, наша дивизия и 9-я дивизия из состава 13-й армии. Задача этой группы войск состояла в том, чтобы быстро продвигаться в Донбасс и отрезать пути отхода Добровольческому корпусу в Донскую область. 8-я армия, взаимодействуя с группой, должна была освободить Луганск.

В это время мне предложили должность начальника штаба 12-й дивизии и, поскольку это перемещение было связано с некоторой паузой в служебной деятельности, предоставили краткосрочный отпуск в Калужскую губернию, где тяжело заболела моя жена. Вернувшись из отпуска, я приступил к исполнению обязанностей начальника штаба нашей дивизии, которая уже продвинулась к Старобельску. Однако вскоре я заболел сыпным тифом и выздоровел только в январе 1920 года, когда начались бои за Ростов.

Теперь я ближе узнал своего наставника А. Г. Рева. Он был лет на восемь старше меня. Однако оказалось, что в нашей военной биографии были некоторые черты сходства. Он, так же как и я, попал на фронт почти в начале мировой войны, воевал до середины 1917 года. После Февральской революции штабс-капитан Рева был избран в полковую, а потом и дивизионный комитет 1-й Финляндской дивизии. Впоследствии его избрали командиром полка. В Красную Армию вступил добровольно весной 1918 года, во время формирования Ипзенской дивизии стал командовать полком. Несколько опережая события, скажу, что после разгрома Деникина А. Г. Рева продолжал командовать 12-й дивизией, которая на Польском фронте в 1920 году входила в состав 15-й армии. По окончании войны дивизия была переброшена на Правобережную Украину, в район Винницы, и здесь в 1921 году А. Г. Рева погиб в бою с петлюровскими бандитами.

Белые сопротивлялись очень стойко. Впоследствии, когда я преподавал в особой группе Академии имени М. В. Фрунзе, где учился С. М. Буденный, он рассказал, что на близких подступах к Ростову наблюдал такую картину: на широком поле, выстроившись в каре, белые залповым огнем отбивали одну за другой атаки конармейцев. Так драться мог только сильный, уверенный в себе противник. Лишь оружейный огонь прямой наводки рассеял вражеский строй.

Конница Буденного взяла Ростов 8 января 1920 года. Через несколько дней произошло переименование фронтов: Южный фронт стал Юго-Западным, а Юго-Восточный — Кавказским. Поскольку последний решал главную стратегическую задачу, ему были переданы основные силы, в том числе Первая Конная и 8-я армии. 12-я дивизия по-прежнему была подчинена командованию Первой Конной и вместе с ее кавдивизиями атаковала сильно укрепленный Батайск. Восточнее города 16-я и 33-я дивизии 8-й армии форсировали недавно замерзший Дон, но после двух неудачных атак Первой Конной на укрепления Батайска обе дивизии вернулись на северный берег Дона.

Некоторое время бои под Ростовом и в низовьях Дона шли с переменным успехом. 20 февраля белые сделали даже попытку захватить Ростов. И это им удалось, но всего лишь на один день: 22 февраля они начали отход за Дон, и 23 февраля Ростов снова стал советским.

2 марта мы были в Батайске, затем наша дивизия продвинулась в Сальские степи и вскоре была выведена для пополнения. В ночь на 27 марта части 8-й и 9-й армий освободили Новороссийск, завершив разгром Деникина.